

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 78-86

DOI: 10.13187/rs.2021.2.78
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

The Opposition “Ours – Others” in the Genre of Journeys: on the Question of the Formation of the Concepts of “Russian World” and “Russian Land”

Alexey S. Tishchenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the concepts “Russian world” and “Russian land” through the prism of the opposition “ours – others” on the material of ancient Russian Journeys. The analysis shows that the genre of Journey contributes to the consolidation of the theme of the Russian world in Russian literature precisely in connection with the opposition “ours – others”. When considering the “The Journey of Abbot Daniel”, emphasis is placed on understanding the concept of “Russian Land” as a civilizational concept, synonymous with the “Russian world”. The analysis of the “Notes of Fedot Kotov” and “The Journey of Ignatius Smolnyanin” confirms the stability of the topic under study in the genre of Journeys. An analysis of the later “A Journey Beyond the Three Seas” shows that the theme of the Russian world in this monument of writing appears to be formed. The conclusion is made about the evolution of the genre of Journey from a purely religious orientation towards Soviet literature, the question of the transformation of the worldview and self-consciousness of the Old Russian scribe and the reflection of his ideological position in the text is raised.

Keywords: “Russian world”, “Russian land”, opposition “ours – others”, ancient Russian Journeys.

1. Введение

Хождение (хождение) – один из распространенных жанров древнерусской литературы, представляющий собой путевые записки, в которых повествовалось о путешествиях в различные страны. Самые ранние хождения датируются XI в., и первоначально путешествия носят характер паломничеств на христианский Восток. Со временем география походов расширяется, а хождение как жанр приобретает особые черты: оно перестает быть лишь определенной фиксацией путешествия, «отчетом» о проделанном пути, а все больше начинает включать различные идеи повествователя, его отношение к чужой культуре. Н.И. Прокофьев отмечает: «Хождения как очерковый жанр древнерусской литературы несли в себе политические, нравственные и художественные идеи своего времени...» (Прокофьев, 1984: 6). Различные идеи и установки древнерусского книжника, отразившиеся в хождениях, прежде всего можно постичь, исходя из сопоставлений и противопоставлений

* Corresponding author
 E-mail addresses: alex.tishchenko97@mail.ru (A.S. Tishchenko)

миров своей и иной страны, «своего» и «чужого», так как этот жанр древнерусской литературы изначально предполагает описание быта, культуры, традиций «чужих».

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат древнерусские хождения «Хождение Игумена Даниила», «Хождение Игнатия Смольнянина», «Записки Федота Котова», «Хождение за три моря». Среди научных трудов мы опираемся в основном на крупные работы В.В. Данилова (Данилов, 1954; Данилов, 1962), Н.И. Прокофьева (Прокофьев, 1968; Прокофьев, 1970; Прокофьев, 1984), В.П. Адриановой-Перетц (Адрианова-Перетц, 1958).

В отечественном литературоведении, по справедливому замечанию О.А. Белобровой, долгое время исследованию хождений не уделялось должного внимания (Белоброва, 1972), однако большой вклад в изучение памятников письменности этого жанра внесли работы В.В. Данилова (Данилов, 1954; Данилов, 1962) и Н.И. Прокофьева (Прокофьев, 1968; Прокофьев, 1970; Прокофьев, 1984). Оба этих автора подчеркивают, что многие хождения довольно сухи в художественном плане, строятся по определенным моделям, однако есть ряд других произведений данного жанра, являющихся самобытными текстами с яркими жанровыми особенностями, присущими хождениям. Кроме этого, в работах обоих исследователей делается акцент на эволюции жанра хождений: от религиозного в начале к постепенной смене на светский характер, когда целью путешествий становятся сугубо деловые и торговые отношения, изменяется и содержание повествования – со временем произведения этого жанра включают все больше личного отношения книжника и определенного комплекса идей и ценностей, свойственных представителям русского мира.

Исследование строится на органическом синтезе традиционных литературоведческих культурно-исторического и социологического методов. Культурно-исторический метод рассматривает художественный текст в неразрывной связи с эпохой, в которую он был написан, и представляет текст как цивилизационный код народа. Согласно социологическому методу, литературное произведение можно интерпретировать как выражение общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Паломничества в другие страны имели большое значение: «...содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания» (Кусков, 2003: 86). Повествователь, представитель Русской земли, является в определенном смысле воплощением духа народа, и эту черту можно выделить в некоторых хождениях, где наиболее ярко проявляется идеология путешественника, а вместе с тем и система ценностей и представлений всего народа. Н.И. Прокофьев характеризует повествователей в хождениях как представителей «своего времени, своего народа» и выразителей «его идеологических и эстетических представлений и идеалов» (Прокофьев, 1984: 10).

«Житъе и хоженъе Данила Русьскыя земли игумена» («Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли») – одно из самых ранних древнерусских произведений этого жанра. Это подробное, тщательное описание паломничества в Святую землю. По большей части это хождение имеет религиозную направленность: повествуется исключительно о святых местах; основная идея произведения – рассказать об увиденном в Святой земле «грешным» и «недостойным» игуменом Даниилом. «...Даниил придавал своему “Хождению” не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели – слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник» (Кусков, 2003: 87). Несмотря на эту исходную установку автора-повествователя, тема русского мира выражена в этом тексте имплицитно.

Принципиально важно, что в названии произведения присутствует словосочетание «Русская земля». С одной стороны, «Русская земля» здесь употребляется в географическом смысле, как обозначение отправной точки путешествия игумена Даниила. С другой же стороны, появление в самом названии произведения – в сильной позиции – этого словосочетания неслучайно: тем самым подчеркивается принадлежность игумена Даниила к Русской земле. Это понятие в тексте хождения имеет двойственный характер: оно сочетает

обозначение как территориальных границ Руси, так и неких духовных скреп, объединяющих русский народ и позволяющих говорить о «Русской земле» как об особом явлении. К примеру, в «Повести временных лет» в начальных словах летописца «Се повесть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, хто в Кieve нача пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» (*Повесть временных лет*) «Русская земля» также употребляется не только и не столько в территориальном значении: в центре внимания летописца исторические судьбы Руси, формирование, рост, укрепление и защита государства, патриотическая мысль о могуществе Русской земли, ее политической самостоятельности, религиозной независимости от Византии. С точки зрения географии, за словосочетанием «Русская земля», частотно употребляемом в «Повести временных лет», по мнению Б.А. Рыбакова, закреплено три варианта территориальных значений: «1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т.е. лесостепная полоса от Руси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря» (*Рыбаков, 1953: 29*). Поскольку исторически сложилось так, что территориальные границы Русского государства всегда были подвижны, становится все убедительнее мысль о том, что во многих древнерусских текстах (в «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли», в хождениях) словосочетание «Русская земля» употребляется в значении, близком к содержанию понятия «русский мир». А. Ужанков отмечает: «...не одно чисто территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение *Русская земля*. Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее воедино все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей» (*Ужанков*). Таким образом, игумен Даниил является представителем Русской земли и русского мира в чужом ему, «нерусском» мире.

Отметим, что в работах о древнерусской литературе довольно широко распространено мнение, что путешествие Даниила имело не только религиозную, но и дипломатическую цель: из повествования игумена о встречах с королем Балдуином следует, что русский паломник пользовался определенными привилегиями, встречался с королем неслучайно. В.В. Данилов пишет: «На основании собственного рассказа Даниила можно говорить утвердительно, что в глазах иерусалимского короля Балдуина I, при котором Даниил был в Палестине, и в глазах других властей он был не обычным паломником» (*Данилов, 1954: 93*). Возникает предположение, что Даниил был послан князем Святополком Изяславичем в Святую землю с определенным заданием: «В условиях современности эти цели для них обоих могли быть и военно-политические, как полагаю я, и религиозно-политические, как думает Д.С. Лихачев» (*Данилов, 1954: 94*). В эпизоде в конце произведения Даниил собирается поставить лампаду на Гробе Господнем и обращается к Балдуину: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на Гробѣ Святѣмъ от всея Русьскыя земля!» (*Хождение игумена Даниила*). Игумен говорит от всей Русской земли, ощущает себя посланцем от Руси и выражает заботу о своей Родине, ставя лампаду от всего русского мира.

В этом же эпизоде звучит мотив богоизбранности русского народа, который отмечен «благодатью Божьей». Игумен Даниил акцентирует внимание, что лампада, поставленная им от всей Русской земли, загорается по «благодати Божьей», как и греческие свечи, а «фряжская» лампада вовсе не загорелась: «И поставих своима рукама грѣшныма в ногах, идеже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Исуса Христа. В главах бо стояше кандило гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило Святаго Савы и всѣхъ монастырей. Тако бо обычай имут: по вся лѣта поставляютъ кандило гречьское и Святаго Савы. И благодѣтью Божию та ся 3 кандила вожгоша тогда; а фряжская кандила повѣшена бяху горѣ, а от тѣхъ ниединоже възгорѣся» (*Хождение игумена Даниила*). Мотив божественного покровительства, избранности русского народа, преемственности православия и осмысления Руси как оплота православной веры устойчив в отечественной литературе, начиная со «Слова о законе и благодати». Поэтому символично, что на службе, где были представители разных религий, Даниил зажигает свою свечу непосредственно от свечи

короля, а дальше огонь расходится среди других людей. «Он молился у гроба господня за всю Русскую землю. И когда лампада, поставленная Даниилом от имени всей Русской земли, зажглась, а “фляжская” (римская) не зажглась, то он видит в этом проявление особой божьей милости и благоволения к Русской земле» (Кусков, 2003: 89).

В произведении «О хождении с Москвы в Персицкое царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят», который иногда называют «Записки Федота Котова», повествователь описывает мусульманские праздники, иногда сравнивая с праздниками на Руси, например: «Первой у них праздник год починают марта месяца, как в небе увидят млад месяц. И тот у них праздник зовут баирам наурус, а по нашему новой год» (Записки Федота Котова). Котов последовательно и тщательно повествует о мусульманских обычаях и традициях, говорит о быте и внешнем виде «чужих» людей, противопоставляя свою культуру и чужую, русский мир и «нерусский»: «И всего в персидской земли четыре праздника, а что про них писано и то им не на славу, но на укоризну, и понос, и на пагубу им!» (Записки Федота Котова), «А сказывают, что в пятницу Бахмет родился того дня и празднуют еженедель, ему на вечный огонь, и на бесконечную муку, и на понос, и на укоризну» (Записки Федота Котова) и др.

Т.В. Чумакова пишет: «Представления о “своем” и “чужом” за последнюю тысячу лет изменились не слишком много, по-прежнему, как и в Средние века, представители своей культуры наделяются, по преимуществу, позитивными, а чужой – негативными характеристиками. В результате типичный представитель “своей” культуры одаривается стандартным набором добродетелей, а чужак таким же набором пороков» (Чумакова, 2011: 184). Оппозиция «своего» и «чужого» выявляется и в «Хождении Игнатия Смольнянина в Царьград». Повествователь четко обозначает, когда он со своими спутниками покидает Русь и попадает на другую землю: «В среду минули Великую Луку и Сарыхочзин улус. Здесь нас охватил страх, так как вступили в землю народа измаильского». Чувство страха, постигшее этого человека, подчеркивает его оторванность от Руси, его пугает чужой мир с иной культурой, и поэтому повествователь рад встретить часть русского мира за границей: «В понедельник, накануне Петрова дня, во время вечерни, пришли к нам русские люди, живущие здесь. И была радость обоим великая», «Месяца июля в 1 день пошли в монастырь святого Иоанна, к Продрому, и поклонились тут. И приняли нас хорошо тут живущие русские люди» (Хождение Игнатия Смольнянина). Таким образом, повествователь ощущает себя чужим, находясь среди незнакомой культуры, и чувствует себя своим с русскими людьми. Оппозиция двух миров – русского и «нерусского» в этом тексте проявляется не как резкое противопоставление, а скорее как некое особое пересечение.

Одним из ярких памятников жанра хождения является «Хождение за три моря». Это произведение – путевые записки тверского купца Афанасия Никитина, «...отважного и любознательного путешественника, горячего патриота и глубоко религиозного человека» (Адрианова-Перетц, 1958: 100), сделанные во время его торгового путешествия в индийское государство Бахмани в XV в. Путешественник посетил не только Индию, но и Кавказ, Персию, Крым. Однако большая часть заметок посвящена именно Индии. Автор повествует о своеобразии этой страны: особенностях государственного устройства, торговле, хозяйстве, обычаях, верованиях, традициях; в центре внимания – люди, их внешний вид, одежда, занятия.

Можно утверждать, что все повествование Афанасия Никитина основывается на оппозициях: Русская страна – Восток, православные – «неверные», мы – они, Христос – Махмет, русский мир – «нерусский» мир. Рассказывая о людях, которых встречает Афанасий Никитин, он фиксирует любую деталь, относящуюся к этому народу, «...с одинаковым интересом и вниманием глядясь в различные религиозные культы, изучая нравы и обычаи разных национальных и кастовых групп, расспрашивая о важных событиях, происходивших в его время в “Индийской стране”» (Адрианова-Перетц, 1958: 108). При первом описании внешнего вида жителей Индийской страны возникает противопоставление двух миров: русского и «нерусского». Автор говорит о внешнем виде жителей Индии: «И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много» (Хождение за три моря). Повествователь неслучайно делает акцент на том, что люди ходят «нагие»: это хождение написано уже в XV в., в пору, когда

православное христианство прочно укоренилось на русской почве. Принятие православия, случившееся в X в., автоматически подразумевало искоренение язычества, имевшего очень большое влияние на русскую культуру. Следы язычества можно обнаружить и в различных памятниках письменности, и в целом в русских традициях, однако в XV в. эти отголоски были уже более слабыми. Так мы можем сказать и о наготы: Никитин воспринимает ее как отголосок язычества, многие языческие обряды и ритуалы были связаны с обнажением, а христианство накладывало запрет на это, считало обнажение грехом. «Нагота – признак, в целом оцениваемый в народной культуре негативно и сближаемый со значением “чужой”, “природный”, “демонический”.<...>Функции обнажения основаны на понимании наготы как признака иномирности и естественного состояния, когда голый человек – уже не человек или не совсем человек» (Агапкина и др., 2004: 355-356). Афанасий Никитин именно по этой причине подчеркивает такую деталь во внешнем облике чужестранцев. Исходя из этого, можно утверждать, что к разнице во внешности добавляются различия и во внутренних качествах людей: скромность и богобоязненность людей русского мира вступают в оппозицию с «наготой» представителей мира чужого.

С самого начала описания страны появляется оппозиция «мы – они»: «детей у них», «князь у них», «бояре у них». Никитин подчеркивает, что он чужой в этой стране: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку» (Хождение за три моря). Автор неоднократно отмечает противопоставление не только со своей стороны, но и со стороны индийского народа. По словам исследователей, «Уже с момента попадания в эту страну у Афанасия возникает чувство отчужденности, резкого разделения “своего и чужого” не только в плане культуры, обычаев и традиций, но и в психологии, мировоззрении. В Индии Никитин ощущал себя прежде всего “гарипом” – иноземцем (“гариб” – араб. ‘чужеземец’), “белым человеком”, противостоящим всем “черным жителям” и особенно “бесерменам” (мусульманским завоевателям), которых он воспринимал как хозяев страны» (Торпакова, Королева, 2016: 180).

Афанасий Никитин показывает разницу религиозных верований: «А в том в Чюнерѣ хань у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменянин – русинь. И он молвит: “Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в вѣру нашу – в Махмет дени; а не станеш в вѣру нашу, в Махмат дени, и жеребца возму и тысячу златых на головѣ твоей возму”» (Хождение за три моря). Для Никитина переход в другую веру немислим, поэтому он радуется, что ему удалось договориться с казначеем Мухаммедом, чтобы тот «за него похлопотал», чтобы остаться православным христианином. Это повествователь расценивает как «Господне чудо на Спасов день» (Хождение за три моря). Оппозиция русского мира и Индийской страны выражается в призыве Афанасия Никитина: «Ино, братие рустии християнн, кто хошет пойти в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю» (Хождение за три моря). Символично, что, обращаясь к русскому народу, автор говорит «братие рустии християнн»: существительное «братие» имеет собирательное значение – объединение людей, в этой же фразе мы видим, что русский народ Никитин не отделяет от христианства. Исследователь пишет: «В традиции русской мысли мы обнаруживаем идею братства, декларирующую не только идеал общественного устройства, указывающий на глубинный “социальный ориентир” человека. Этот ориентир заявляет об онтологическом единстве, взаимоустремленности человека к человеку, являясь духовным основанием, благодаря которому человек сам (вне зависимости от внешних обстоятельств, от смены эпох и тенденций развития) удерживает социальное пространство, поскольку для него реальным и значимым становится его причастность и соучастие в жизни другого, в жизни сообщества с другим, другими» (Лобова, 2005: 3).

Сам автор-повествователь четко наделяет себя признаками русского мира: он общается с жителями Индии, говоря им о своей вере: «И сказах имъ вѣру свою, что есмь не бесерменинъ исаядениени есмь християннинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани» (Хождение за три моря). Когда в очередной раз Афанасия принуждают принять чужую веру, он говорит: «Господин! Ты молитву совершаеш и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаеш, я – три раза. Я – чужестранец, а ты – здешний» (Хождение за три моря). Причисление себя к русскому миру автором

подчеркивается и в его отказе принимать чужую веру, и в его постоянных отступлениях о Русской земле: «А Русь Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!» (*Хождение за три моря*). Афанасий Никитин переживает, что не может соблюдать христианские обычаи в чужой стране: «А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первые бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни... Праздники крестьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не знаю» (*Хождение за три моря*). Я.С. Лурье отмечает: «Путешествуя по странам Передней Азии и по Индии, Никитин не раз вспоминал с горячей любовью родину – “Русскую землю”, сравнивал с ней чужие земли и пришел к выводу, что “на этом свете нет страны, подобной ей...”» (*Лурье, 1958: 127*). Тема христианской веры, духовного общения с Богом, богобоязненности красной нитью проходит через текст Афанасия Никитина. Возвращается на Русь он со страхом, что пост держал по «бесерменским» обычаям: «А иду я на Русь с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом». Автор надеется на милостивого Бога, который его простит, однако предостерегает всех русских: «О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды выпадают и вѣры ся да лишают крестьяньские» (*Хождение за три моря*).

Итак, познание чужого мира путем сопоставления со своим и противопоставления ему, постоянные обращения Афанасия Никитина к русскому народу, Руси выражаются таким образом, что это позволяет осмысливать русский мир как целостное явление. Главным скрепляющим звеном русского мира у Афанасия Никитина является христианство. Несмотря на то, что «Хождение за три моря» является одним из первых нерелигиозных текстов, тема христианства здесь постоянна. У Никитина русский мир, бесспорно, христианский, и он противопоставляется не только Индийской стране, но и другим народам: еще в начале произведения – «татары поганые» (в значении «неверные», «нечестивые»). Хотя доминантой этой оппозиции служит религия, все же противопоставление основывается и на других признаках: рассказывая о чужой земле, автор постоянно, пускай и не всегда напрямую, сравнивает другую культуру с русской, поэтому появляется четкая оппозиция «мы – они».

4. Заключение

Таким образом, основываясь на материале различных хождений, можно сделать вывод: тема русского мира постепенно проникает в этот жанр, выражение «Русская земля» приобретает значение «русский мир», и в хождениях этот цивилизационный смысл особенно отчетлив в контексте оппозиции «свой – чужой». Наиболее ярко и последовательно это проявляется в произведении позднего периода – «Хождении за три моря». Это связано, с нашей точки зрения, с двумя факторами. Во-первых, ранние хождения были сугубо религиозной направленности, это паломничества, где перед автором стояла конкретная задача – подробно описать святые места. Более поздние хождения представляют собой скорее путевые заметки, записки путешественника. Второй фактор касается именно развития темы русского мира: если в пору написания ранних хождений самосознание книжников-путешественников как части представителей русского мира еще не полностью сложилось, то к XV в., как мы видим, оно предстает уже сформированным.

Литература

Агапкина и др., 2004 – Агапкина Т.А., Валенцова М.М., Топорков А.Л. Нагота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 355-360.

Адрианова-Перетц, 1958 – Адрианова-Перетц В.П. Афанасий Никитин – путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 93-125.

Белоброва, 1972 – Белоброва О.А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 257-272.

Данилов, 1954 – Данилов В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 10. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 92-105.

Данилов, 1962 – Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 21-37.

Записки Федота Котова – Записки Федота Котова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kotow_f_a/text_1924_hozhdenie_kuptza_kotova.shtml (дата обращения: 11.10.2021).

Кусков, 2003 – Кусков В.В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

Лобова, 2005 – Лобова Т.Г. Социально-онтологическое обоснование идеи братства (в русской философской мысли): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 23 с.

Лурье, 1958 – Лурье Я.С. Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 126-142.

Повесть временных лет, 1997 – Повесть временных лет. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 10.10.2021).

Прокофьев, 1968 – Прокофьев Н.И. Хождения как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1968. № 288: Вопросы русской литературы. С. 3-24.

Прокофьев, 1970 – Прокофьев Н.И. Древнерусские хождения XII–XV веков. (Проблема жанра и стиля): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 35 с.

Прокофьев, 1984 – Прокофьев Н.И. Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. С. 5-20.

Рыбаков, 1953 – Рыбаков Б.А. Древние русы (к вопросу образования ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина) // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23-104.

Торпакова, Королева, 2016 – Торпакова Е.А., Королева Т.В. Оппозиция «свое» – «чужое» в «Хождении за три моря Афанасия Никитина» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-5. С. 180-184.

Ужанков – Ужанков А.Н. «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/268.html> (дата обращения: 15.10.2021).

Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1999 – Хождение за три моря Афанасия Никитина. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. Вторая половина XV века [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5068> (дата обращения: 07.10.2021).

Хождение Игнатия Смольнянина – Хождение Игнатия Смольнянина [Электронный ресурс]. URL: <http://starbel.by/kultura/ignacij.htm> (дата обращения: 12.10.2021).

Хождение игумена Даниила, 1997 – Хождение игумена Даниила. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. XII век [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (дата обращения: 04.10.2021).

Чумакова, 2011 – Чумакова Т.В. «Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. 2011. Вып. 5. С. 184-196.

References

Agapkina i dr., 2004 – Agapkina, T.A., Valencova, M.M., Toporkov, A.L. (2004). Nagota [Nudity]. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 355-360. [in Russian]

Adrianova-Peretc, 1958 – Adrianova-Peretc, V.P. (1958). Afanasij Nikitin – puteshestvennik-pisatel' [Afanasy Nikitin as a traveler-writer]. Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Journey

Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 93-125. [in Russian]

Belobrova, 1972 – *Belobrova, O.A.* (1972). Cherty zhanra hozhdenij v nekotoryh drevnerusskikh pis'mennyh pamyatnikah XVII veka [Features of the genre of Journey in some Old Russian written monuments of the XVII century]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 27 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 27]. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, pp. 257-272. [in Russian]

Chumakova, 2011 – *Chumakova, T.V.* (2011). «Svoi» i «chuzhie» v otechestvennoj kul'ture XI–XVII vv.: problema kommunikacii [“Ours” and “others” in the national culture of the 11th–17th centuries: the problem of communication]. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdisciplinarnye issledovaniya*. 5: 184-196. [in Russian]

Danilov, 1954 – *Danilov, V.V.* (1954). K kharakteristike «Khozhdeniya» igumena Daniila [The characteristic of the “Journey” of Abbot Daniil]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 10 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 10.]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 92-105. [in Russian]

Danilov, 1962 – *Danilov, V.V.* (1962). O zhanrovyh osobennostyah drevnerusskikh «hozhdenij» [About genre features of Old Russian “Journeys”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 18 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 18]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 21-37. [in Russian]

Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina, 1997 – Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 7. The second half of the XV c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5068> (date of access: 07.10.2021). [in Russian]

Hozhdenie Ignatiya Smol'nyanina – Hozhdenie Ignatiya Smol'nyanina [A Journey of Ignatius Smolnyanin]. [Electronic resource]. URL: <http://starbel.by/kultura/ignacij.htm> (date of access: 12.10.2021). [in Russian]

Hozhdenie igumena Daniila, 1997 – Hozhdenie igumena Daniila. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [A Journey of Abbot Daniel. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 4. XII c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (date of access: 04.10.2021). [in Russian]

Kuskov, 2003 – *Kuskov, V.V.* (2003). Istoriya drevnerusskoj literatury [History of Old Russian Literature]. M.: Vysshaya shkola, 275 p. [in Russian]

Lobova, 2005 – *Lobova, T.G.* (2005). Social'no-ontologicheskoe obosnovanie idei bratstva (v russkoj filosofskoj mysli) [Socio-ontological substantiation of the idea of brotherhood (in Russian philosophical thought)]. Abstract of PhD Thesis (Philosophical Sciences). Omsk, 23 p. [in Russian]

Lur'e, 1958 – *Lur'e, Ya.S.* (1958). Afanasij Nikitin i nekotorye voprosy russkoj obshchestvennoj mysli XV v. [Afanasy Nikitin and some questions of Russian social thought of the 15th century]. Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 126-142. [in Russian]

Povest' vremennyh let, 1997 – *Povest' vremennyh let*. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Tale of Bygone Years. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (date of access: 04.10.2021). [in Russian]

Prokofev, 1968 – *Prokofev, N.I.* (1968). Hozhdeniya kak zhanr v drevnerusskoj literature [Journeys as a genre in Ancient Russian literature]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*. 288: 3-24. [in Russian]

Prokofev, 1970 – *Prokofev, N.I.* (1970). Drevnerusskie hozhdeniya XII–XV vekov. (Problema zhanra i stilya) [Ancient Russian walks of the 12th-15th centuries (The problem of genre and style)]. Abstract of PhD Thesis (Philological Sciences). M., 35 p. [in Russian]

Prokofev, 1984 – *Prokofev, N.I.* (1984). Hozhenie: puteshestvie i literaturnyj zhanr [Journey: travel and literary genre]. *Kniga hozhenij: Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of journeys: Notes of Russian travelers of the 11th–15th centuries]. M.: Sovetskaya Rossiya, pp. 5-20. [in Russian]

Rybakov, 1953 – *Rybakov, B.A.* (1953). Drevnie rusy [Ancient Rus]. *Sovetskaya arheologiya: XVII*: 23-104. [in Russian]

Torpakova, Koroleva, 2016 – *Torpakova, E.A., Koroleva, T.V.* (2016). Oppozitsiya «svoe» – «chuzhoe» v «Hozhenii za tri morya Afanasiya Nikitina» [The opposition of “ours” – “others” in “Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin”]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk.* 1-5: 180-184. [in Russian]

Uzhankov – *Uzhankov, A.N.* «Rus'» i «Russkaya zemlya» v mirovozzrenii drevnerusskih knizhnikov XI–XV vv. [“Rus” and “Russian Land” in the worldview of ancient Russian scribes of the 11th–15th centuries]. [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/268.html> (date of access: 15.10.2021). [in Russian]

Zapiski Fedota Kotova – *Zapiski Fedota Kotova* [Notes by Fedot Kotov]. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/k/kotow_f_a/text_1924_hozhdenie_kuptza_kotova.shtml (date of access: 11.10.2021). [in Russian]

Оппозиция «свой – чужой» в жанре хождений: к вопросу о формировании понятий «русский мир» и «Русская земля»

Алексей Сергеевич Тищенко ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу концептов «русский мир» и «Русская земля» через призму оппозиции «свой – чужой» на материале древнерусских хождений. В ходе анализа показывается, что жанр хождения способствует закреплению темы русского мира в отечественной литературе именно в связи с оппозицией «свой – чужой». При рассмотрении «Хождения игумена Даниила» делается акцент на осмыслении понятия «Русская земля» как цивилизационного концепта, синонима «русского мира». Разбор «Записок Федота Котова» и «Хождения Игнатия Смольнянина» подтверждает устойчивость исследуемой темы в жанре хождений. Анализ более позднего «Хождения за три моря» показывает, что тема русского мира в этом памятнике письменности предстает сформированной. Делается вывод об эволюции жанра хождений от сугубо религиозной направленности в сторону светской литературы, поднимается вопрос о трансформации мировоззрения и самосознания древнерусского книжника и отражения его идеологической позиции в тексте.

Ключевые слова: «русский мир», «Русская земля», оппозиция «свой – чужой», древнерусские хождения.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: alex.tishenko97@mail.ru (А.С. Тищенко)